

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРОГНОЗА СЕЦЕССИЙ

Алексей Токарев*

Московский государственный институт международных
отношений МИД России (МГИМО МИД России)

ORCID: 0000-0002-8196-0518

© А.Токарев, 2021 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-57-79

Аннотация Статья посвящена описанию авторской универсальной математической модели, позволяющей прогнозировать сценарии развития постсоветских сецессий и, шире, – потенциал сецессий любых сложных субнациональных региональных единиц. В качестве объектов прогноза выступают де-факто государства и различные виды политий с неудавшейся государственностью, рассматриваемые в треугольнике «материнское государство – сецессия – государство-патрон». Основной метод исследования – квантификация факторов сецессий, позволяющая с помощью конкретных переменных и индикаторов измерить влияние объективных и субъективных условий на ход и результаты сецессий. Описанная математическим языком модель имеет два экстремума: «идеальная сецессия» и «идеальная антисецессия».

Ключевые слова сецессии, де-факто государства, математическое моделирование, постсоветское пространство, Россия, Грузия, Азербайджан, Армения, Украина, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская республика, Приднестровская Молдавская республика, Донецкая народная республика, Луганская народная республика

Title **Forecasting secessions though mathematical modeling**

Abstract The article outlines and discusses the universal mathematical model created by the author and allowing to predict scenarios for post-Soviet secessions and, more broadly, to forecast secession potentials of any complex subnational regional units. The objects of forecasting are de facto states and different kinds of polities with failed statehood, analyzed through the prism of the “parent state – secession – patron state” triangle. The main research method is quantification of secession factors, which enables a researcher to measure the impacts of objective and subjective conditions on the course and results of secessions through the use of specific variables and indicators. As described in mathematical terms, the model has two extremes: “ideal secession” and “ideal anti-secession”.

Keywords secessions, de facto states, mathematic modeling, post-Soviet space, Russia, Georgia, Azerbaijan, Armenia, Ukraine, Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh Republic, Transnistria, Donetsk People’s Republic, Lugansk People’s Republic

---

* Токарев Алексей Александрович – старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, кандидат политических наук.

Alexey Tokarev is a Senior Researcher of the Institute for International Studies of the MGIMO University.

I. Введение

Идея использовать математическую модель для описания механизмов и результатов сецессии родилась тогда, когда автор разочаровался в прогностическом методе с его имплицитной установкой «я так думаю». После событий «русской весны» 2014 г. сильно возросло число экспертов, которые комментируют ситуацию в де-факто государствах на конференциях и в СМИ, либо ни разу не побывав в них, либо откровенно работая на одну из сторон конфликта (сецессионистов или «материнское государство»). Любые попытки прояснить основания предлагаемых сценариев разбивались о стандартное «я так думаю».

Логика авторского исследования, выросшего из этих сомнений, была простой: (1) определить те факторы, которые влияют на реализацию сецессии; (2) квантифицировать их; (3) описать этот процесс математическим языком и, наконец, (4) проверить модель примерами уже завершившихся сецессий. В статье вкратце освещен первый этап исследования, подробно рассмотрены его второй и третий этапы, и в разделе V лишь намечен четвертый этап (так как он требует весьма объемного описания, не вмещающегося в рамки данной публикации, и будет освещен в других статьях).

II. Де-факто государства: статусность или состоятельность?

Теоретические рамки исследования основываются на аналитическом разграничении двух ключевых характеристик современного государства – статусности (“statehood”) и состоятельности (“stateness”). Именно их противоречивое развитие и соотношение позволяет теоретически осмыслить функционирование де-факто государств. В современном политологическом дискурсе понятие «государственность» чаще всего обозначает формальные и сущностные полномочия государства: государственный статус (англ. “statehood”), возможности государства по распределению общественных благ, эффективному управлению и контролю над собственной территорией, т. е. государственную состоятельность (“stateness”), а также идентификацию (ассоциирование) себя гражданами с той или иной территориальной политией, которая, помимо общих административных границ, объединяется общими историей, культурой и языком общения.¹

Термин «государственная состоятельность»² для описания степени способности государства контролировать свою территорию ввел в 1968 г. П.Неттл.³ Его развивали Ч.Тилли,⁴ С.Бартолини,⁵ Ф.Фукуяма,⁶ Ф.Шмиттер⁷ (предложивший альтернативный термин “state capacity”)⁸ и многие другие ученые. В России в 2010–2020-е годы исследовательский коллектив под руководством А.Ю.Мельвиля (М.В.Ильин, Е.Ю.Мелешкина, М.Г.Миронюки и др.) выпустил ряд теоретических и эмпирических исследований, посвященных государственности, а также взаимному влиянию ее трансформации и эволюции политических режимов в посткоммунистических странах.⁹

В данной статье де-факто государства рассматриваются в рамках подходов норвежского конфликтолога П.Колстё, который определяет их как территории, контролируемые борющимися за признание правительствами,¹⁰ а также российского политолога М.В.Ильина, полагающего, что единственный общий признак «полноценных» государств – «референтная сетка взаимных признаний» (т. е. статус члена ООН).¹¹ Основываясь на тезисе Ф.Фукуямы «государственность прежде всего» (“stateness first”), де-факто государства рассматриваются в данной

статье в качестве полноценных субъектов международных отношений, низкий статус которых (т.е. низкий уровень их государственной статусности) не препятствует их суверенному участию в политических процессах. Такое участие опосредуется, в первую очередь, уровнем государственной состоятельности, который у де-факто государства может быть сравнимым с уровнем материнского государства или даже более высоким, чем у него.

Ключевые для данного исследования понятия определяются следующим образом. «Сепаратизм» – это политика конкретной территориальной единицы, направленная на полный выход из материнского государства. Имеется в виду такое состояние внутреннего суверенитета, при котором материнское государство не в состоянии, в терминах Фукуямы, «направить вооруженного человека в форме для поддержания законности».¹² Это не исключает частичную утрату внутреннего суверенитета де-факто государства в пользу государства-патрона.

Под «материнским государством» понимается признанное членом ООН государство, из состава которого сепаратистская территория пытается выйти.

Под «сецессией» понимается как курс на выход из материнского государства (в этом смысле сецессия синонимична сепаратизму), так и сама территориальная политика, осуществляющая данный курс. Успех сецессии – такое состояние территории (т.е. ее совокупных политических, военных, географических, исторических, административных и прочих характеристик), при котором материнское государство не может направить на эту территорию вооруженного человека в форме для поддержания законности.¹³ Состоявшийся выход не обязательно должен подкрепляться декларациями и/или стремлением к внутренней или внешней легитимации правительства де-факто государства. Следует также отметить, что многие декларируемые случаи выхода из состава материнского государства (включая абсолютное большинство политий, провозгласивших свою независимость в рамках «парада суверенитетов» в России 1990-х годов) в реальности сецессиями не являлись.¹⁴

Курс на повышение статуса политики в рамках существующего административно-территориального деления (например, от «рядовой» области к автономной и далее к автономной республике или ассоциированному государству), без декларации о выходе из состава государства и, возможно, при подчеркнутом декларировании нежелания такого выхода, определяется как «автономизация». В качестве «ирредентизма» рассматривается политика государства-патрона (см. ниже), направленная на отделение от материнского государства территории с близким патрону по этническому составу населением для последующего присоединения этой территории к себе.

Успешно осуществившие сецессию территориальные политики именуются «де-факто государствами». Те государства-члены ООН, которые оказывают сецессиям покровительство (в форме военной поддержки, выдачи своих паспортов, дипломатического признания и т.д.), определяются как «патронажные государства», или «государства-патроны».

Территория (область, автономная республика, ассоциированное государство и т.п.), границы которой признаются материнским государством и которая осуществляет политику сепаратизма либо автономизации или в силу ряда факторов (исторического опыта независимости или борьбы за нее, лингвистической и/или конфессиональной обособленности от материнского государства и т.д.) может сделать это потенциально, определяется как «государство-сегмент».

Многовариантность возможных результатов в процессе оформления национальной государственности в контексте распада СССР рассматривается сквозь призму логики постимперского транзита. Успешная консолидация институтов и оформление эффективной власти на местах (описываемой в западной транзитологии концептом “state capacity”), автономизация национальных республик и даже попытки автономизации «рядовых» регионов (например, проект «Уральской республики») сочетались с коллапсом государственной власти и ее подменой нелегальными акторами. В ряде случаев имели место гражданские войны сразу на нескольких уровнях: государственном (за власть), межэтническом (за территорию), на уровне неформальных акторов (в т. ч. бандформирований) и т. п. Как кровопролитные вооруженные конфликты с целью борьбы за власть внутри сложносоставных государств (например, между федеральным центром и так называемой Ичкерией в России), так и успешные сецессии, обошедшиеся малой кровью из-за вмешательства государства-патрона (Приднестровская Молдавская республика/ПМР), стали результатом влияния множества факторов распада СССР, включая трансформацию режима, социально-экономические процессы и развитие государственных институтов. Данные факторы и процессы и составляют сущность *постимперского транзита*, в концептуальных рамках которого в настоящей работе рассматриваются постсоветские сецессии.

III. Математическая модель как конструктор

В основе предлагаемой модели лежат следующие предпосылки. Предполагается, что любой исследователь при несогласии с какими-либо из тех факторов, которые, согласно модели, влияют на сецессию, может (1) удалять их, (2) заменять их своими, (3) перераспределять их веса, увеличивая или уменьшая важность конкретного фактора. Таким образом, модель поддается точечной настройке, хотя ее «становой хребет» остается прежним.

Представленные ниже квантифицированные факторы представляют собой «срез» взаимоотношений внутри треугольника «сецессия – патрон – материнское государство» с учетом многих особенностей исторического процесса. Для того чтобы понять ту же картину в динамике, необходимо высчитать значения индикаторов модели для каждого года. Очевидно, что во время боевых действий и/или экономических блокад часть индикаторов будет давать более высокие значения (например, негативного отношения населения сецессии к материнскому государству), другие же будут, наоборот, снижаться (например, уровень эффективности внутреннего суверенитета). Однако сецессия – это многофакторный процесс, сочетающий в себе не только военные или экономические, но также исторические, культурные, лингвистические, этнические, географические и многие другие признаки. Скорость изменений в данных сферах различается: самые быстрые изменения происходят в политической сфере, а самые медленные – в этническом и географическом планах. Тем не менее, даже недолгая постсоветская история знает примеры изменений географического и этнического характера. Пусть медленно, переселение этносов и административные реформы в грузинском крае Самцхе-Джавахети постепенно снизили сепаратистский потенциал ранее населенной преимущественно армянами территории, а строительство Крымского моста принципиально изменило экономическую и транспортную географию полуострова, который до этого в постсоветский период не был связан сушей с материковой Россией.

Политическими факторами, влияющими на сецессии, являются:

- наличие государства-сегмента или четко очерченной сепаратистской или автономистской территории;
  - наличие политической организации у сепаратистов;
  - наличие собственного языка, отличного от языка материнского государства;
  - наличие этноса, выступающего за сецессию;
  - наличие государства-патрона;
  - наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с тем же этносом;
  - исторический опыт вооруженной борьбы за автономию или сецессию;
  - способ провозглашения независимости (суверенитета) государством-сегментом;
  - реакция материнского государства на провозглашение независимости (суверенитета);
  - длительность традиции самостоятельной государственности: год вхождения государства-сегмента в состав материнского государства, специфика такого вхождения и срок пребывания в составе другого государства;
  - статус в составе материнского государства.
- К этому перечню можно добавить ряд географических факторов:
- наличие общей границы с государством-патроном и ее качественные характеристики;
  - специфика границы с материнским государством (естественная или искусственная граница);
  - географические особенности территории сецессии;
  - специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства на территории сецессионистской политики.

Целесообразно также учитывать следующие социологические факторы:

- восприятие сецессии населением и элитами материнского государства населения и территории;
  - отношение населения сецессии к материнскому государству.
- Наконец, добавим ряд внутренних и международных факторов, подробнее рассмотренных автором в ряде предыдущих работ:¹⁵
- допустимость сохранения статуса сецессионистской политики в составе федеративного государства;
  - выдвижение цели независимости от государства-патрона при решении о начале сецессии;
  - уровень эффективности внутреннего суверенитета;
  - введение миротворцев в регион конфликта;
  - специфика дифференцированного признания членами ООН.

Перегруппировав эти факторы в соответствии с их общими родовыми признаками, произведем их операционализацию (см. *Таблицу 1*).

Следует особо подчеркнуть, что ни один из перечисленных факторов, будучи взятым в отдельности, не может быть самодостаточным для старта сецессии и считаться таковым при определении степени ее успеха. Только совокупность географических, внутривнутриполитических, международных, исторических, культурных, лингвистических, экономических, а иногда и субъективных факторов влияет на выход политики из состава материнского государства. Невозможно создать комплексную работающую прогностическую теорию о распаде государств: в одних случаях предсказания сбываются, в других – нет. Сколько бы ни говорилось и ни писалось о глубине украинского раскола до событий 2014 г. и какими бы серьезными ни были объективные условия для фактического выхода юго-востока

Украины из состава государства, сецессия стала возможна, прежде всего, после захвата здания Службы безопасности Украины в г. Славянске, что, по признанию руководившего операцией И.И.Стрелкова, и стало «спусковым крючком войны».¹⁶ Мы имеем возможность лишь приблизиться к идентификации тех точек и регионов, в которых сецессия может быть наиболее успешной, а состоявшееся де-факто государство – эффективным.

Таблица 1. Операционализация прогностической модели (переменные/индикаторы)

Группы факторов	Переменные	Индикаторы (их значения)	Идеальная сецессия	Идеальная антисецессия
1. Географические	1) Наличие общей границы с государством-патроном и ее качественные характеристики	1а) Проходит по равнинной территории (+3) / по горной территории (+1) / по морю (+2) / отсутствует (–3); 1б) число официальных пограничных переходов (два и больше: +2, один: +1, нет: –2); 1в) наличие автомобильных дорог и их статус (хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +2, прочие дороги: +1, нет дорог: –2); 1г) наличие железных дорог (+2 / –2); 1д) доля границы с патроном в общей длине границ, в % (50% и более: +2, менее 50%: +1, нет: –2); 1е) доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (+1 / –1)	Граница с патроном проходит исключительно по равнине. Через границу проходят более двух авто- и железнодорожных магистралей; доля границы с патроном составляет более половины протяженности всех границ	Граница проходит по горам при отсутствии тоннелей, авто- и железных дорог
	2) Специфика границы с материнским государством: естественный или искусственный характер	2а) Граница с материнским государством проходит по реке (0) / по горам (+3) / по равнинной местности без природных барьеров (–3) / по морю (–2); 2б) в случае наличия природных барьеров, существование инфраструктуры (мостов, тоннелей и т. п.) для их преодоления (при наличии: –2); 2в) наличие автомобильных дорог и их статус (хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: –2, прочие дороги: –1, нет дорог: +2); 2г) наличие железных дорог (–2 / +2); 2д) доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (50% и более: –2, менее 50%: –1, нет: +2); 2е) доля равнинной границы с материнским государством в	Граница проходит по горам, через которые не проложены тоннели, нет автомобильных дорог	По равнине

		общей длине границы с ним, в % (–1 / +1)		
	3) Географические аспекты территории сецессии	<p>3а) Территория сецессии преимущественно равнинная (–2), горная (+2);</p> <p>3б) отношение расстояния между крайними точками в длину к расстоянию между крайними точками в ширину (интервал 1–1,5: +3, 1,6–2: +1, 2,1–2,5: –1, более 2,6: –3);</p> <p>3в) имеет ли сецессия эксклавы, разделенные природными барьерами (имеет: –3, не имеет: 0);</p> <p>3г) имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеются: –3, не имеются 0);</p> <p>3д) наличие выхода к морю (+2 / –2);</p> <p>3е) наличие портов (+2 / –2);</p> <p>3ж) доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политики в расстоянии от столицы до крайней точки государства де-юре (70–80%: +1, 81–90%: +2, более 91%: +3);</p> <p>3и) соотношение границ с патроном и материнским государством (если большую долю имеет граница с патроном: +2, если с материнским государством: –2)</p>	Территория сецессии горная, похожа на круг или квадрат, не имеет эксклавов, выходит к морю, имеет порты. Большая часть государственной границы приходится на государство-патрон, меньшая – на материнское государство	Территория равнинная, сильно вытянутая
	4) Специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политики	<p>4а) Процент территории, занимаемый этносом, титульным для материнского государства;</p> <p>4б) данная этническая группа равномерно расселена по территории сецессии или сосредоточена на границе с материнским государством (–2 / +2)</p>	Титульный этнос рассредоточен по всей территории, а этнос материнского государства занимает компактную территорию	Этнос материнского государства рассредоточен по территории
2. Исторические	5) Наличие государства-сегмента или четко очерченной сепаратистской (автономистской) территории	<p>5) Функционирование государства-сегмента в признаваемых материнским государством границах сецессии (+3);</p> <p>функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+2);</p> <p>функционирование государства-сегмента при несовпадении границ (+1);</p> <p>отсутствие государства-сегмента (–3)</p>	Территорию сецессии материнское государство считает обладающей специальным статусом в своем составе	Материнское государство не предоставляет сецессии особый статус или государство-сегмент отсутствует

	6) Исторический опыт вооруженной борьбы за автономию или сецессию	6) Несколько войн с материнским государством (+5); восстания/вооруженные конфликты (+3); отсутствие войн и конфликтов в прошлом (–5)	Сецессия несколько раз воевала с материнским государством	Отсутствие войн и конфликтов
	7) Статус в составе материнского государства; длительность традиции самостоятельной государственности; специфика вхождения в состав материнского государства	7а) Статус: союзная республика СССР (+4), автономная республика СССР (+3), часть автономной республики СССР (+2), автономная область/область (+1), отсутствие статуса (–4); 7б) нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: менее 50 лет (+4), 51–100 лет (+3), 101–150 лет (+2), 151–200 (+1), 201–250 лет (0); 7в) специфика вхождения в состав материнского государства: завоевание материнским государством (+3), передача властями федерации материнскому государству (+2), добровольное вхождение в материнское государство (–3)	Сецессия имела статус союзной республики СССР, в составе материнского государства находилась менее 50 лет и ранее была завоевана им	Сецессия обладала незначительным статусом (область, автономная область) и находилась в составе материнского государства более 250 лет
	8) Стремление сохранить свой статус в составе СССР	Референдум о сохранении СССР (+3); декларация Верховного совета (+2); отсутствие подобных процедур (–3)	В 1991 г. сецессия участвовала в референдуме по сохранению СССР	В 1991 г. сецессия не участвовала в референдуме по сохранению СССР
3. Этнолингвистические	9) Наличие собственного языка, отличного от языка материнского государства	Собственный язык является основным (+3); собственный язык используется вместе с русским или собственный язык – русский (+2); собственный язык уступает русскому по распространенности (+1); собственного языка нет (–3)	У сецессии есть собственный язык, превосходящий по частоте употребления русский	Отсутствует
	10) Наличие особого этноса, выступающего за сецессию	+3 / –3	Сецессия строится вокруг отдельного этноса, стремящегося к выходу из состава материнского государства	Отсутствует
	11) Наличие государства-патрона с расселенной у границ сецессии многочисленной этнической группой, которая является	+2 / –2	В государстве-патроне на границах с сецессией проживает многочисленная этническая группа, которая является титульной для	Отсутствует

	титული для государства-сегмента		сегмента	
4. Политические/экономические	12) Наличие политической организации/политических институтов у сепаратистов	+2 / -2	Сепаратисты реализуют сецессию через устоявшиеся политические институты	Отсутствует
	13) Реакция материнского государства на провозглашение де-факто государством независимости/суверенитета	Ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных представителей мятежной территории (+5); ведение боевых действий с одновременными переговорами (+3); прекращение попыток военного захвата сецессии с переходом к ее вовлечению в сотрудничество путем предоставления экономических преференций (-3); попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-5)	Материнское государство пыталось жестко подавить сепаратистов силами армии	Мирная реинтеграция
	14) Восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии	Население и территория сецессии воспринимаются как чужие или «террористы», сепаратизм которых порожден исключительно поддержкой патрона (+5); население сецессии воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под контролем сепаратистов (-5)	Население и территория сецессии воспринимаются как чужие или «террористы», сепаратизм которых порожден исключительно поддержкой патрона	Население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под контролем сепаратистов
	15) Отношение населения сецессии к материнскому государству	Позитивное (-3); нейтрально-позитивное (-2); нейтрально-негативное (+2); «население материнского государства – главный враг» (+3)	Население материнского государства – «главный враг»	Население материнского государства – «наши люди»
	16) Уровень эффективности внутреннего суверенитета	Высокий (сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона без масштабной помощи патрона): +5; средний (сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона, хотя в состоянии поддерживать верховенство закона): +2; низкий (сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона): -2;	Высокий уровень внутреннего суверенитета	Низкий уровень внутреннего суверенитета

		очень низкий (сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона): –5		
	17) Независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии	Высокий уровень самостоятельности (+3); низкий (+1); начало сецессии под давлением патрона (–1); сецессия начата патроном (–3)	Сепаратисты самостоятельно приняли решение о начале сецессии	Сепаратистов подтолкнул к сецессии патрон
5. Легалистские	18) Введение миротворцев в регион конфликта	Миротворцы работают на закрепление сецессии (+3); нейтральная позиция миротворцев (0); миротворцы работают на реинтеграцию (–3)	Миротворцы работают на сохранение сецессии	Миротворцы работают на реинтеграцию
	19) Способ провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом	Референдум о независимости (+3); парламентская декларация (+1); отсутствие законодательного оформления (–3)	Сецессия основывается на референдуме о независимости	Сецессия не имела законодательного оформления
	20) Специфика ранжированного признания членами ООН	20а) наличие военной базы одного из членов ООН на территории сецессии (+5 / –5); 20б) военная помощь/торговля оружием со стороны одного из членов ООН (+3 / –3); 20в) наличие посольств членов ООН на территории сецессии (+5 / –5); 20г) Выдача национальных паспортов государства-патрона населению де-факто государства (в т. ч. упрощенная процедура вступления в гражданство) (+3 / –3); 20д) признание документов де-факто государств (+3 / –3)	На территории сецессии функционируют посольства и военные базы членов ООН; национальные паспорта государства-патрона выдаются населению сецессии в упрощенном режиме, документы сецессии признаются патроном	Члены ООН не признают сецессию ни в дипломатическом, ни в экономическом, ни в военном смысле
Итого			104 балла	–111

В тех случаях, когда вес какого-либо отдельно взятого фактора менее значителен, чем вес остальных, а также когда сам фактор не предполагает значимой дифференциации, использовалась бинарная шкала (+1 / –1). В тех случаях, когда фактор более значим и предполагает бóльшую дифференциацию при измерении индикаторов, установлена средняя дифференциация (+3 / +2 / +1 / –1 / –2 / –3). При максимальном весе фактора и/или максимальной дифференциации использован максимум значений по шкале (+5 / +3 / +1 / –1 / –3 / –5). Знак «+» во всех случаях означает приближение к успеху сецессии, а знак «–» – отдаление от него. Чем больше баллов получает конкретный случай сецессии, тем выше вероятность успешного выхода и, как результат, реальной независимости от материнского государства. Чем ниже балл, тем ниже вероятность успешной сецессии и выше вероятность ее реинтеграции в состав материнского государства.

IV. «Идеальная сецессия» vs. «идеальная антисецессия»

Для дополнительной верификации модели были введены понятия «идеальная сецессия» и «идеальная антисецессия»: при этом, конечно, следует учитывать, что ни то, ни другое в чистом виде не встречается.

Совокупность условий для *идеальной сецессии* предполагает, что граница с патроном, на которой функционирует не менее двух международных контрольно-пропускных пунктов и которую пересекают автомагистрали и железные дороги, проходит исключительно по равнине. Напротив, граница с материнским государством проходит в горной местности. Большая часть границы приходится на патрона, меньшая – на материнское государство. Территория самой сецессии горная, по форме ближе к кругу или квадрату, не имеет эксклавов, выходит к морю и имеет порты.

В рамках «идеальной сецессии» материнское государство рассматривает сецессионистскую территорию как обладающую специальным статусом в своем составе. Ранее на протяжении истории сецессия несколько раз воевала с материнским государством, была завоевана им и находилась в его составе менее 50 лет. Сецессия имела статус союзной республики и в 1991 г. участвовала в референдуме по сохранению СССР. У нее есть собственный язык, превосходящий по частоте употребления русский. Процесс сецессии строится вокруг конкретного этноса, стремящегося к выводу своей территории из состава материнского государства; вместе с тем, в государстве-патроне на границах с сецессией также проживает многочисленная группа представителей того же этноса. Сепаратисты реализуют выход из состава материнского государства через устоявшиеся политические институты. Сепаратисты самостоятельно приняли решение о начала сецессии, обоснованием которой стал референдум о независимости. Уровень внутреннего суверенитета сецессии достаточно высок. При этом на сохранение сецессии фактически работают миротворческие миссии, на ее территории функционируют посольства и/или военные базы государств-членов ООН, а государство-патрон выдает населению сецессии свои паспорта в упрощенном режиме и признает документы де-факто государства.

Препятствуя сецессии, материнское государство безуспешно пыталось жестко подавить сепаратистов силами армии. Население и территория сецессии в материнском государстве воспринимаются как чужие или «террористы», сепаратизм которых порожден исключительно поддержкой патрона. Население сецессии позиционируется как главный враг материнского государства.

При такого рода «идеальной сецессии» всем рассмотренным переменным присваиваются максимальные значения, которые в сумме составляют 104 балла.

Условия для *идеальной антисецессии* предполагают, что де-факто государство должно иметь равнинную границу с материнским государством и горную – с патроном, причем на границу с патроном приходится меньшая часть протяженности границ. Выхода к морю такое де-факто государство не имеет, а его территория растянута. Этнос материнского государства относительно равномерно расселен по всей территории де-факто государства, при этом титульных языков и этносов в де-факто государстве нет. Ранее территория сецессии не завоевывалась материнским государством, а самостоятельно вошла в его состав и пребывала в нем более 250 лет. Статус будущей сецессии в составе материнского государства был низким (область/автономная область), а референдум о сохранении СССР на ее территории не проводился. Процесс сецессии стартовал при непосредственном участии патрона и не был оформлен законодательно. Материнское государство не

пыталось завоевать территорию сецессии, но и не соглашалось предоставить ей особый статус. Уровень внутреннего суверенитета де-факто государства низок. Население материнского государства и сецессии в этнокультурном плане представляет собой одну группу без явных антагонизмов. Неблагоприятны для сецессии и международные условия: присутствие миротворцев фактически работает на реинтеграцию территории материнским государством, ни одно государство-член ООН не размещает на данной территории свои посольства или военные базы, не признает выпускаемые сепаратистским правительством документы и не выдает свои в облегченном режиме.

Совокупность баллов для идеальной антисецессии составляет –111. Следует отметить, что сецессия и антисецессия в данном отношении не равнозначны, поскольку не все факторы квантифицировались зеркально: некоторые шкалы, например, выстроены в ряд от +3 до 0.

Хотя на практике ни идеальной сецессии, ни идеальной антисецессии не существует, в целях анализа было полезно подробно охарактеризовать те полюсы, к которым могут стремиться сецессии в своем развитии. Далее протестируем модель на предмет обоснованности квантификации оцениваемых факторов на примерах уже завершившихся сецессий, одни из которых оказались успешными, а другие закончились реинтеграцией в материнское государство.

V. Эмпирическая проверка модели

Логика верификации рассматриваемой модели проста: нужно загрузить в нее показатели завершившихся сецессий на постсоветском пространстве и оценить соответствие результатов моделирования исторической реальности. В качестве проверочных кейсов были рассмотрены все случаи устойчивых и завершившихся постсоветских сецессий: Автономная республика Бадахшан (АРБ), Панкисское ущелье, террористические образования «Ичкерии» и Кадарской зоны, Гагаузия, Аджария, Нагорно-Карабахская республика (НКР), Крым и др.

«Ичкерия», АРБ, Аджария, Панкиси, Кадарская зона и Гагаузия были реинтегрированы. В ходе второй чеченской войны сепаратисты были подавлены федеральными силами при помощи перешедшего на сторону официальной Москвы местного ополчения во главе с семьями Кадыровых и Ямадаевых. Так называемая Чеченская республика Ичкерия перестала существовать теперь уже и фактически. При этом легитимная Чеченская Республика получила очень высокую степень финансовой и правовой автономии в составе Российской Федерации.

Гагаузия – единственная из всех вышеупомянутых политий, которая была реинтегрирована мирным путем. В 1994–1995 годах автономный статус Гагаузии был закреплен Молдовой законодательно. С тех пор Комрат не имел той степени независимости, которой обладает Тирасполь. Основой мирной реинтеграции и существования Гагаузии является отсутствие резких движений Кишинева в сторону Бухареста. В случае потери Молдовой государственной независимости (значительная часть политического класса страны считает необходимым объединение с Румынией), гагаузские элиты подчеркивают собственное право решать судьбу автономии.

В некоторых из рассматриваемых случаев реинтеграция военным путем оказалась возможной, прежде всего, из-за невмешательства со стороны государства-патрона (или отсутствия такового). Так, в 2003 г., параллельно российской контртеррористической операции на Северном Кавказе, стартовала антикриминальная операция на грузинской территории. В результате Грузия

усилила контроль над Панкиси, что существенно сократило возможности чеченских боевиков для отступления. В случае реинтеграции Гагаузии, Россия и Турция (гагаузы – тюркский народ, хотя и преимущественно исповедуют православие) не вмешивались в процесс возвращения официальным Кишиневом контроля над политией. При этом требования гагаузов о повышении политического статуса их территории внутри единого молдавского государства в целом были удовлетворены.

Предложенная модель показывает, что по совокупности факторов во всех случаях, завершившихся реинтеграцией, сецессии имели низкие шансы на успех. В то же время в случаях образования устоявшихся де-факто государств шансы на успех сецессий были высокими. В большинстве случаев суммарные значения факторов оказались близки к зеркальным: успешные случаи, как правило, набирали от –51 до –74 баллов, а неуспешные – 50–60 баллов. Речь идет о двух кластерах антисецессий и сецессий, включающих, с одной стороны, Кадарскую зону (–74), АРБ (–67), Гагаузию (–51) и Панкиси (–65), а с другой стороны – НКР (56) и Крым (57). Эти кластеры находятся примерно посередине расстояния от абсолютного баланса (ноль баллов) до каждого из полюсов – идеальной антисецессии и идеальной сецессии.

В пяти случаях (Аджария, ПМР, Ичкерия, Донецкая и Луганская народные республики (ЛНР и ДНР) и Абхазия) интегральные значения не укладывались в упомянутые интервалы. Четыре первые упомянутые сецессии являются «балансирующими» случаями, которые могли или могут склониться к любому полюсу внутри треугольника «сецессия – материнское государство – патрон» в зависимости от обстоятельств. Кластер «балансирующих» случаев (Аджария, ПМР, Ичкерия, ЛНР/ДНР) находится в коридоре –20 / 14 баллов. Абхазский кейс ближе к полюсу идеальной сецессии, чем в остальные сецессии.

Анализ кластера антисецессий показывает, что сецессия может стартовать даже при самых неблагоприятных для нее условиях. Гагаузия, Кадарская зона и Панкиси не имели ни политических институтов, ни исторических, ни географических условий для сецессии. Так, Панкисское ущелье открыто для материнского государства и, напротив, отделено горами от условного патрона-союзника в виде формирований боевиков-террористов на Северном Кавказе; Гагаузия из всех рассматриваемых кейсов вообще имеет наихудшую географию для сецессии.¹⁷ Кроме того, отсутствовали такие благоприятствующие сецессии факторы, как высокий уровень внутреннего суверенитета, существование государства-сегмента или широкомасштабная поддержка со стороны патронов (Кадарская зона и Гагаузия не граничили ни с Россией, ни с Турцией как потенциальными государствами-патронами). Тем не менее, упомянутые сецессии в течение непродолжительного времени являлись де-факто государствами. Следует отметить, что в данных случаях все же имелось хотя бы несколько благоприятствующих сецессии факторов, например, этническое отличие состава населения этих политий от населения материнских государств (по переменным этноса и языка все три случая получили высший балл). В отличие от двух остальных случаев, АРБ имела такие преимущества, как наличие государства-сегмента, легальных политических институтов и возможности для легализации сецессионистского курса через парламентские процедуры (о легализации в случаях Панкиси и террористической Кадарской зоны говорить не приходится). Позиции АРБ, однако, существенно ослабляло отсутствие государства-патрона.

Общими признаками обладают и успешные сецессии Нагорно-Карабахской республики и Крыма. Наличие границы с патронами (Арменией и Россией), явная

политическая, военная и экономическая поддержка с их стороны, историческая легитимация сецессий (обе территории принадлежали материнским государствам менее 100 лет), предпосылки для сепаратизма на этнической почве и наличие признававшихся материнскими государствами сегментов (в случае с НКР территория сегмента была меньше, чем та, которая впоследствии оказалась под контролем де-факто государства) обусловили успешность сецессий. Не случайно, что, в соответствие с предложенной в статье шкалой, данные сецессии оказались расположены близко друг к другу, набрав, соответственно, 56 и 57 баллов.

Таким образом, эмпирическая проверка доказала работоспособность предложенной модели. Все те политии, которые в реальности стали неудавшимися сецессиями, оказались в кластере «антисецессий» и наоборот. Единственным исключением в данном случае стала ПМР: она относительно успешно функционирует как де-факто государство, хотя предложенная здесь модель отправляет ее в кластер «антисецессий».

В этой связи можно предвидеть резонный критический аргумент о том, что многие математические модели такого типа хорошо работают ретроспективно, благодаря подгонке индикаторов и переменных под уже известный результат. В ответ на такой аргумент автору ничего не остается, кроме как заверить читателя в том, что результаты эмпирической проверки модели не были известны заранее и что переменные были предложены и впоследствии усовершенствованы в результате обсуждения с другими исследователями без увязки с результатами конкретных кейсов. Результаты по конкретным случаям сецессии были получены уже в ходе тестирования готовой модели.

VI. Усложнение модели: язык математики и веса факторов

От такого инструмента, как модель, бессмысленно ждать точного прогноза результатов, дат и сценариев. В данном случае наука позволяет с высокой вероятностью определить то, в какую сторону движется конкретная сецессия: к закреплению фактически независимого статуса вне материнского государства или же к реинтеграции. Так, в июне 2020 г. ориентированная на долгосрочное прогнозирование модель не дала возможности предугадать, что Азербайджан начнет активные боевые действия с целью восстановления контроля над территорией НКР. Очевидно, что в тех случаях, когда материнское государство намного сильнее и самой сецессии, и патрона, большая часть экспертного сообщества будет считать завоевание (возврат) отколовшейся территории военным путем наиболее вероятным сценарием. Прогнозирование, однако, позволяет сделать менее очевидные и более долгосрочные выводы, поскольку в центр внимания исследователя помещаются долгосрочные факторы: границы, специфика территории, этнос, язык, религия, социологические тренды, исторические тенденции. Для того чтобы сделать вывод о том, что Баку готовился к войне, вполне можно было обойтись без математического моделирования, наблюдая за ростом военного бюджета и расходов Азербайджана по отношению к национальному валовому продукту. Специалисты по региону лучше ученых-теоретиков справляются с анализом номенклатуры вооружений и военной техники, а также бюджетных расходов страны.

После того, как рассматриваемая в настоящей работе модель была впервые представлена экспертному сообществу,¹⁸ ряд коллег высказали критику по поводу отсутствия весов у факторов. Несмотря на то, что в ранних версиях модели вес факторов все-таки опосредованно учитывался (через различающиеся числовые

характеристики индикаторов), автор, реагируя на критику, принял решение, во-первых, установить систему весов для факторов, во-вторых – унифицировать значения индикаторов, ранжировав их значения по шкале от –1 до +1, а в-третьих, – провести экспертный опрос с целью повышения степени объективности при определении весов. Следует отметить, что в некоторых случаях авторские оценки совпали с мнением коллег, а в большинстве случаев уложились в те же интервалы при округлении (так, вес «3» у автора соответствовал значению «3,2» у коллег). Результаты экспертного опроса не свидетельствовали о целесообразности изменения размерности весов: в частности, автор не счел уместным изменить шкалу таким образом, чтобы она учитывала десятые доли.

Каждой из 43 переменных, сгруппированных в 8 кластеров, были присвоены значение и вес (см. *Таблицу 2*). Поскольку в данном тексте представлены лишь общие контуры модели без ее конкретного применения и описания полученных результатов моделирования, конкретные значения весов и переменных опущены. Веса обозначаются латинскими буквами *a*, *b*, *c*, *d*, *j*, *q*.¹⁹ Первые три группы переменных – географические, их веса обозначены только литерой *a*. Каждая новая группа весов из оставшихся пяти обозначается отдельной буквой. Аналогичным образом именуются переменные: три группы географических переменных обозначены литерой *g*. Здесь и далее при смене литеры в кавычках дается пояснение ее именования: g_1^p – «география патрона», g_1^m – «география материнского государства» и т. д.

Таблица 2. Присвоение переменным весов и обозначений

Группы переменных	Вес 1*	Вес 2**	Обозначение в формуле	Переменные, индикаторы и их значения	Обозначение в формуле
1. Наличие общей границы с государством-патроном и ее качественные характеристики			a_1^p	Проходит по равнинной территории (+1), по горной территории (+0,0), по морю (+0,5), отсутствует (–1)	g_1^p «география патрона»
			a_2^p	Количество официальных пограничных переходов (два и больше: +1, один: +0,5, нет: –1)	g_2^p
			a_3^p	Наличие автомобильных дорог и их статус (хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: +1, прочие дороги: +0,5, нет дорог: –1)	g_3^p
			a_4^p	Наличие железных дорог (+1 / –1)	g_4^p
			a_5^p	Доля границы с патроном в общей длине границ, в % (50% и более: +1, менее 50%: +0,5, нет: –1)	g_5^p
			a_6^p	Доля равнинной границы с патроном в общей длине границы с ним, в % (более 50%: +1, менее 50%: –1)	g_6^p
2. Специфика границы с материнским государством			a_1^m	Граница с материнским государством проходит по реке (0), по горам (+1), по равнинной местности без природных барьеров (–1), по морю (–0,5)	g_1^m «география материнского государства»
			a_2^m	В случае наличия природных барьеров, существует ли инфраструктура для их преодоления:	g_2^m

* Вес в авторской интерпретации (конкретные значения на этом этапе опущены).

** Вес по итогам экспертного опроса (конкретные значения на этом этапе опущены).

				мосты, тоннели. При наличии: –1, отсутствии: 0	
		a_3^m		Наличие автомобильных дорог и их статус (хотя бы одна асфальтобетонная автомагистраль: –1, прочие дороги: –0,5, нет дорог: +1)	g_3^m
		a_4^m		Наличие железных дорог: –1 / +1	g_4^m
		a_5^m		Доля границы с материнским государством в общей длине границ, в % (50% и более: –1, менее 50%: –0,5, нет: +1)	g_5^m
		a_6^m		Доля равнинной границы с материнским государством в общей длине границы с ним, в % (менее 50%: –1, более 50%: +1)	g_6^m
3. Географические особенности территории сецессии		a_1^s		Территория сецессии преимущественно равнинная (–1) или горная (+1)	g_1^s «география сецессии»
		a_2^s		Отношение расстояния между крайними точками по длине к расстоянию между крайними точками по ширине (интервал 1–1,5: +1; 1,6–2: +0,5; 2,1–2,5: –0,5; более 2,6: –1)	g_2^s
		a_3^s		Имеет ли сецессия эксклавы, отделенные природными барьерами (имеет: –1, не имеет: 0)	g_3^s
		a_4^s		Имеются ли непосредственно на границах сецессии эксклавы материнского государства (имеются: –1, не имеются: 0)	g_4^s
		a_5^s		Наличие или отсутствие выхода к морю (+1 / –1)	g_5^s
		a_6^s		Наличие или отсутствие портов (+1 / –1)	g_6^s
		a_7^s		Доля расстояния от столицы до центра сецессионистской политики в расстоянии от столицы до крайней точки государства (70–80%: +0,3; 81–90%: +0,7; более 91%: +1)	g_7^s
		a_8^s		Соотношение между границами с патроном и материнским государством (если большую долю имеет граница с патроном: +1, с материнским государством: –1)	g_8^s
4. Специфика расселения титульного этноса и этноса материнского государства по территории сецессионистской политики		b		Данная этническая группа расселена равномерно по территории сецессии или сосредоточена на границе с материнским государством (–1 / +1)	g^{et} «география этноса»
5. Исторические переменные: государство-сегмент и его характеристики, исторические отношения с материнским государством и наднациональной		c_1		Наличие государства-сегмента или четко очерченной сепаратистской/автономистской территории: функционирование государства-сегмента в признаваемых материнским государством границах сецессии (+1); функционирование государства-сегмента в границах, которые не признаются материнским государством (+0,6); функционирование государства-сегмента при несовпадении между его признанными и фактическими границами (+0,4); отсутствие государства-сегмента (–1)	h_1 «история»

федерацией, статус		c_2	Исторический опыт вооруженной борьбы за автономию или сецессию: несколько войн с материнским государством (+1); восстания/вооруженные конфликты (+0,5); отсутствие войн и конфликтов (-1)	h_2
		c_3	Статус в составе материнского государства: союзная республика (+1); автономная республика (+0,8); часть автономной республики (+0,6); автономная область/область (+0,4); отсутствие особого статуса (-1)	h_3
		c_4	Нахождение в составе материнского государства до начала сецессии: менее 50 лет (+1); 51–100 лет (+0,8); 101–150 лет (+0,6); 151–200 лет (+0,4); 201–250 лет (0,2)	h_4
		c_5	Специфика вхождения территории сецессии в состав материнского государства: завоевание материнским государством (+1); передача властями федерации материнскому государству (+0,5); добровольное вхождение в состав материнского государства (-1)	h_5
		c_6	Стремление сецессии сохранить свой статус в составе СССР: участие в референдуме о сохранении СССР (+1); декларация Верховного совета (+0,5); отсутствие подобных процедур (-1)	h_6
6. Этнолингвистические характеристики		d_1	Язык титульной для де-факто государства этнической группы является основным (+1); данный язык используется вместе с русским или данным языком является русский (+0,5); данный язык уступает русскому в распространенности (0); собственного языка нет (-1)	l «язык»
		d_2	Наличие или отсутствие этноса, выступающего за сецессию: +1 / -1	Et «этнос»
		d_3	Наличие у границ государства-сегмента государства-патрона с многочисленной группой того же этноса: +1 / -1	Gr «граница»
7. Политические и экономические характеристики		j^1	Наличие политической организации/институтов у сепаратистов: +1 / -1	p^1 «политика»
		j^2	Реакция материнского государства на провозглашение сепаратистами независимости/суверенитета: ведение боевых действий против сепаратистов без попыток договориться с частью лояльных представителей сецессии (+1); ведение боевых действий одновременно с переговорами (+0,5); прекращение попыток военного захвата и переход к вовлечению сецессии с помощью экономических преференций (-0,5); попытки мирной реинтеграции с признанием особого статуса сецессии внутри материнского государства (-1)	p^2
		j^3	Восприятие населением и элитами материнского государства населения и территории сецессии: население и территория воспринимаются как чужие, «террористы», сепаратизм которых порожден лишь поддержкой патрона (+1); население воспринимается как «наши люди», в силу стечения обстоятельств временно живущие под контролем сепаратистов (-1)	p^3

			j^4	Отношение населения сецессии к материнскому государству: позитивное (–1); нейтрально-позитивное (–0,5); нейтрально-негативное (+0,5); население материнского государства – «главный враг» (+1)	p^4
			j^5	Уровень эффективности внутреннего суверенитета: высокий (+1; сецессия самостоятельно производит общественные блага и обеспечивает порядок и верховенство закона без масштабной помощи патрона); средний (+0,5; сецессия производит общественные блага, но не способна делать это без помощи патрона; при этом она в состоянии поддерживать верховенство закона); низкий (–0,5; сецессия не производит общественные блага без помощи патрона, но поддерживает верховенство закона); очень низкий (–1; сецессия не производит общественные блага, не поддерживает верховенство закона)	p^5
			j^6	Независимость от государства-патрона при решении о начале сецессии: высокий уровень самостоятельности (+1); низкий уровень (+0,5); решение принято под давлением патрона (–0,5); сецессия начата патроном (–1)	p^6
8. Легалистские факторы: характер взаимоотношений с миротворцами, специфика референдумов и ранжированного признания членами ООН			q^1	Введение миротворцев в регион конфликта: миротворцы работают на закрепление сецессии (+1); занимают нейтральную позицию (0), работают на реинтеграцию (–1)	leg_1 «легализм»
			q^2	Тип провозглашения независимости/суверенитета государством-сегментом: референдум о независимости (+1); парламентская декларация (+0,5); отсутствие формального провозглашения (–1)	leg_2
			q^3	Наличие или отсутствие на территории сецессии военной базы одного из государств-членов ООН (+1 / –1)	leg_3
			q^4	Оказание одним из государств-членов ООН военной помощи или продажа оружия де-факто государству (+1 / –1)	leg_4
			q^5	Наличие посольств членов ООН в де-факто государстве (+1 / –1)	leg_5
			q^6	Выдача национальных паспортов патрона населению де-факто государства (в т. ч. упрощенная процедура вступления в гражданство государства-патрона) (+1 / –1)	leg_6
			q^7	признание документов де-факто государства государствами-членами ООН (+1 / –1)	leg_7

Математическое описание модели выглядит следующим образом:

$$S = \sum_{k=1}^6 a_k^p g_k^p + \sum_{k=1}^6 a_k^m g_k^m + \sum_{k=1}^8 a_k^s g_k^s + b g^{et} + \sum_{k=1}^6 c_k h_k + d_1 l + d_2 Et + d_3 Gr + \sum_{k=1}^6 j_k p^k + \sum_{k=1}^7 q_k leg_k$$

Для проверки формула была развернута и разложена на слагаемые согласно общим переменным («география патрона» – $\sum_{k=1}^6 a_k^p g_k^p$, «география материнского государства» – $\sum_{k=1}^6 a_k^m g_k^m$, «география сецессии» – $\sum_{k=1}^8 a_k^s g_k^s$ и т. д.). После этого к формуле были добавлены слагаемые вне общих переменных.

$$\begin{aligned}\sum_{k=1}^6 a_k^p g_k^p &= a_1^p g_1^p + a_2^p g_2^p + a_3^p g_3^p + a_4^p g_4^p + a_5^p g_5^p + a_6^p g_6^p \\ \sum_{k=1}^6 a_k^m g_k^m &= a_1^m g_1^m + a_2^m g_2^m + a_3^m g_3^m + a_4^m g_4^m + a_5^m g_5^m + a_6^m g_6^m \\ \sum_{k=1}^8 a_k^s g_k^s &= a_1^s g_1^s + a_2^s g_2^s + a_3^s g_3^s + a_4^s g_4^s + a_5^s g_5^s + a_6^s g_6^s + a_7^s g_7^s + a_8^s g_8^s \\ \sum_{k=1}^6 c_k h_k &= c_1 h_1 + c_2 h_2 + c_3 h_3 + c_4 h_4 + c_5 h_5 + c_6 h_6 \\ \sum_{k=1}^6 j_k p^k &= j_1 p^1 + j_2 p^2 + j_3 p^3 + j_4 p^4 + j_5 p^5 + j_6 p^6 \\ \sum_{k=1}^7 q_k \text{leg}_k &= q_1 \text{leg}_1 + q_2 \text{leg}_2 + q_3 \text{leg}_3 + q_4 \text{leg}_4 + q_5 \text{leg}_5 + q_6 \text{leg}_6 \\ &\quad + q_7 \text{leg}_7\end{aligned}$$

Оставшиеся слагаемые: $b g^{et} + d_1 l + d_2 Et + d_3 Gr$

На семинаре в Институте вычислительной математики и математической геофизики Сибирского отделения РАН, где в сентябре 2020 г. была представлена данная модель, коллеги-математики предложили проверить ее на устойчивость. Согласно теории некорректных решений,²⁰ для этого необходимо незначительным образом изменить значения коэффициентов и оценить результат. Если он меняется столь же незначительно и находится в небольшом «облаке решений», то модель можно считать устойчивой. Если же «облако решений» стремится к расширению, а итоговые значения оказываются подверженными сильным колебаниям, то модель явно неустойчива.

При помощи датчика случайных чисел²¹ в столбцы с показателями сецессий были внесены незначительно измененные (не более чем на 10%) значения коэффициентов. Подсчет итоговых индексов показал незначительные (также не более чем на 10%) отклонения новых величин от оригинальных. Полученные результаты показали, что модель устойчива.

Один из главных выводов по итогам анализа заключается в том, что сецессии возникают не только в тех случаях, когда для сепаратистских образований существуют центры притяжения в виде патронов. В частности, особым случаем можно считать Аджарию: признавая грузинский флаг и имея фракцию в грузинском парламенте, она формально не заявляла о выходе из состава Грузии, но

фактически была самопровозглашенным государством, ограничившим доступ грузинских силовиков на свою территорию, самостоятельно осуществлявшим пограничный и таможенный контроль и, наконец, использовавшим для укрепления своего фактического суверенитета располагавшуюся на своей территории военную базу постоянного члена Совета Безопасности ООН (российская 145-я мотострелковая дивизия дислоцировалась в Батуми), которого при этом нельзя было считать патроном Абхазии.

Гагаузия, Панкиси, АРБ, Ичкерия и Кадарская зона не имели конкретных центров внешнего притяжения. В отличие от Крыма, Южной Осетии, ДНР/ЛНР и ПМР, в разной степени тяготеющих к России, и от желавшей воссоединиться с Арменией НКР, вхождение первых четырех из упомянутых политий в состав других государств было попросту невозможно по причине отсутствия претендентов на роль полноценного патрона. Следует особо подчеркнуть, что выход территории из состава материнского государства возможен не только при активной поддержке сецессии со стороны патрона, но и, в первую очередь, тогда, когда само материнское государство фактически выталкивает конкретные этнические группы за пределы своего «государственного тела» (“state body”).

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 69; Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 9–30. О различных измерениях внутренней государственной статусности см.: Gilley B. The determinants of state legitimacy: results for 72 Countries // International Political Science Review. 2006. V. 27. № 1. P. 47–71.

² Nettl J. P. The state as a conceptual variable // World Politics. 1968. V. 20. № 4. P. 559–592.

³ Ibid.

⁴ The Formation of National States in Western Europe. Ed. Ch. Tilly – Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 32. См. также: Тилли Ч. Демократия. – М.: Европа, 2007. С. 8.

⁵ Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 70.

⁶ Как утверждал в своей работе Ф.Фукуяма, «государственная состоятельность прежде всего». См.: Fukuyama F. “Stateness” first // Journal of Democracy. 2004. V. 16. № 1. P. 84–88. См. также обзор литературы по концепции “stateness first”: Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах. – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011.

⁷ Schmitter P., Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and state capacity. X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública. 18–21 October 2005, Santiago, Chile. О различных эквивалентах термина “государственная способность” см.: Сморгун Л.В. Способности государства и соотношение административных и демократических режимов правления // Демократия в современном мире. Ред. Я.А.Пляйс и А.Б.Шатилов. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 63–67.

⁸ См., например, Kuthy D. The effect of state capacity on the survival of new democratic regimes. American Political Science Association (APSA) 2010 Annual Meeting Paper. 19 July 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1643525> (accessed 15.11.2021); Besley T. The origins of state capacity: property rights, taxation, and politics // American Economic Review. 2009. V. 99. № 4. P. 1218–1244.

⁹ Ильин М., Мелешкина Е., Мельвиль А. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. 2010. № 3. С. 26–39; Мельвиль А., Стукал Д., Миронюк М. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4. С. 83–103.

¹⁰ Kolsto P. Nation-building in the Former USSR // Journal of Democracy 1996. V. 7. № 1. P. 118–132.

¹¹ Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 70.

¹² Fukuyama F. The imperative of state-building // Journal of Democracy. 2004. V. 15. № 2. P. 21.

¹³ Австралийский исследователь Александр Павкович предлагает считать успехом сецессии как процесса такое состояние, при котором титульная этническая группа де-факто государства расселяется по всей его территории. Данный критерий, однако, сложно применить к постсоветским сецессиям. На территории ПМР равномерно расселены три наиболее многочисленные этнические группы (русские, молдаване и украинцы), в Абхазии титульный этнос вообще не является большинством, а титульный этнос НКР в 1994–2020 годы занимал не всю завоеванную в ходе войны 1990-х годов территорию, оставляя ранее населенные преимущественно азербайджанцами районы предметом политического торга. Еще одним ключевым фактором успеха сецессии для Павковича является ее международное признание, однако этот фактор тем более не проявляется на постсоветском пространстве. В целом автор полагает, что концепция Павковича малоприменима к постсоветским реалиям. Pavkovic A. Secession: a much contested concept // Territorial Separatism in Global Politics: Causes, Outcomes and Resolution. Eds. D.Kingsbury and C.Laoutides. – London: Routledge, 2015. P. 13–28.

¹⁴ Предложенная в статье трактовка термина не является устоявшейся в научном сообществе. Например, согласно российскому политологу С.Маркедонову, аджарский и панкисский случаи не являются сецессиями именно потому, что «выходящие» политики не декларировали подобных намерений. Еще один контраргумент против авторского понимания сецессии можно найти у А.Павковича, П.Радана и Дж.Крофорда, которые утверждают, что сецессия – это не только выход из материнского государства, но и обязательно создание на этой территории нового государства. Pavkovic A., Radan P. Creating New States: Theory and Practice of Secession. – Aldershot: Ashgate, 2013. P. 7; Crawford J. The Creation of States in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2006. В такой трактовке Панкисское ущелье или Кадарскую зону нельзя считать сецессиями, а можно с большим основанием именовать, например, «серыми зонами» государственности.

¹⁵ Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния // Полис. 2017. № 4. С. 106–177; Токарев А.А., Приходченко А.Ю., Маргоев А.Р., Целещев А.А. Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод // Полис. 2021. № 1. С. 58–77.

¹⁶ Стрелков: Спусковой крючок войны нажал я // Новая газета. 20 ноября 2014.

¹⁷ Территория Гагаузии включает в себя несколько равнинных районов, отделенных друг от друга территорией материнского государства и не граничащие с потенциальными патронами политики (Россией и Турцией).

¹⁸ Будущее постсоветских конфликтов [публичная лекция в Фонде Горчакова, 3 июля 2020 г.] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rTbftp7-eOI&t=218s> (дата обращения 15.11.2021).

¹⁹ В целях большей наглядности переменные веса было бы удобно обозначить заглавными литерами, однако в математике таким образом обозначаются матрицы. Литеры “e” и “f” используются для обозначения экспоненты и функции соответственно. Остальные буквы латинского алфавита использованы для обозначения весов и переменных по порядку.

²⁰ Тихонов А.Н., Арсенин В.Я. Методы решения некорректных задач – М.: Наука: Главная редакция физико-математической литературы, 1979.

²¹ Генератор случайных чисел онлайн // Castlots.org. URL: <https://castlots.org/generator-sluchajnyh-chisel> (дата обращения 15.11.2021).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ильин М.В. Формула государственности // Полития. 2008. № 3. С. 69–75.
- Ильин М., Мелешкина Е., Мельвиль А. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. 2010. № 3. С. 26–39.
- Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 9–30.
- Мельвиль А., Стукал Д., Миронюк М. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4. С. 83–103.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах. – М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. 52 с.
- Тилли Ч. Демократия. – М: Европа, 2007. 264 с.
- Токарев А.А. Сравнительный анализ сецессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния // Полис. 2017. № 4. С. 106–177. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.08.
- Токарев А.А., Приходченко А.Ю., Маргоев А.Р., Целещев А.А. Отражение внешней политики КНР в образах настоящего и будущего в массовом сознании китайцев: психографический метод // Полис. 2021. № 1. С. 58–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.05.
- Bartolini S. Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – N.Y.: Oxford University Press., 2005. 343 p.
- Besley T. The origins of state capacity: property rights, taxation, and politics // American Economic Review. 2009. V. 99. № 4. P. 1218–1244. DOI: 10.1257/aer.99.4.1218.
- Crawford J. The Creation of States in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2006. 851 p.
- The Formation of National States in Western Europe. Ed. Ch.Tilly. – Princeton: Princeton University Press, 1975. 567 p.
- Fukuyama F. “Stateness” first // Journal of Democracy. 2004. V. 16. № 1. P. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006.
- Fukuyama F. The imperative of state-building // Journal of Democracy. 2004. V. 15. № 2. P. 15–25. DOI:10.1353/jod.2004.0026.
- Gilley B. The determinants of state legitimacy: results for 72 countries // International Political Science Review. 2006. V. 27. № 1. P. 47–71. DOI: 10.1177/0192512106058634.
- Kolsto P. Nation-building in the former USSR // Journal of Democracy. 1996. V. 7. № 1. P. 118–132. DOI: 10.1353/jod.1996.0010.
- Kuthy D. The Effect of State Capacity on the Survival of New Democratic Regimes. American Political Science Association (APSA) 2010 Annual Meeting Paper. 19 July 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1643525> (accessed 15.11.2021).
- Nettl J.P. The state as a conceptual variable // World Politics. 1968. V. 20. № 4. P. 559–592. DOI: 10.2307/2009684.
- Pavkovic A. Secession: a much contested concept // Territorial Separatism in Global Politics: Causes, Outcomes and Resolution. Eds. D.Kingsbury and C.Laoutides.– L.: Routledge, 2015. P. 13–28.
- Pavkovic A., Radan P. Creating New States: Theory and Practice of Secession. – Aldershot: Ashgate, 2013. 277 p.
- Schmitter P. Wagemann C., Obydenkova A. Democratization and State Capacity. Report at X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública. 18–21 October 2005. Santiago, Chile.

BIBLIOGRAPHY

- Bartolini S. (2005). *Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. New York: Oxford University Press. 343 p.
- Besley T. (2009). The origins of state capacity: property rights, taxation, and politics. *American Economic Review*. V. 99. No. 4. P. 1218–1244. DOI: 10.1257/aer.99.4.1218.
- Crawford J. (2006). *The Creation of States in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 851 p.
- Fukuyama F. (2004). "Stateness" first. *Journal of Democracy*. V. 16. No. 1. P. 84–88. DOI: 10.1353/jod.2005.0006.
- Fukuyama F. (2004). The imperative of state-building. *Journal of Democracy*. V. 15. No. 2. P. 15–25. DOI: 10.1353/jod.2004.0026.
- Gilley B. (2006). The determinants of state legitimacy: results for 72 countries. *International Political Science Review*. V. 27. No. 1. P. 47–71. DOI: 10.1177/0192512106058634.
- Il'in M.V. (2008). Formula gosudarstvennosti [The formula of the statehood]. *Politiya*. No. 3. P. 69–75.
- Il'in M., Meleshkina E., Mel'vil' A. (2010) Formirovaniye novykh gosudarstv: vneshniye i vnutrenniye faktory konsolidatsii [Building new states: external and domestic factors of consolidation]. *Polis: Politicheskoye issledovaniya*. No. 3. P. 26–39.
- Kolsto P. (1996). Nation-building in the former USSR. *Journal of Democracy*. V. 7. No. 1. P. 118–132. DOI: 10.1353/jod.1996.0010.
- Kuthy D. (2010). *The Effect of State Capacity on the Survival of New Democratic Regimes*. APSA 2010 Annual Meeting Paper. American Political Science Association (APSA). 19 July. URL: <https://ssrn.com/abstract=1643525> (accessed 15.11.2021).
- Lints H. and Stepan A. (1997). Gosudarstvennost', natsionalizm i demokratizatsiya [Statehood, nationalism, and democratization]. *Polis*. No. 5. P. 9–30.
- Mel'vil' A., Stukal D., and Mironiuk M. (2012). Gosudarstvennaya sostoyatel'nost', demokratiya i demokratizatsiya (na primere postkommunisticheskikh stran) [Stateness, democracy, and democratization (the cases of post-Communist states)]. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 83–103.
- Mel'vil' A.Yu., Stukal D.K., and Mironiuk M.G. (2011). *Faktory rezhimnykh transformatsii i tipy gosudarstvennoi sostoyatel'nosti v postkommunisticheskikh stranakh* [Factors of Regime Transformation and Post-Communist states' Types of Stateness]. Moscow: High School of Economics. 52 p.
- Nettl J.P. (1968). The state as a conceptual variable. *World Politics*. V. 20. No. 4. P. 559–592. DOI: 10.2307/2009684.
- Pavkovic A. (2015). Secession: a much contested concept. In: *Territorial Separatism in Global Politics: Causes, Outcomes and Resolution*. Eds. D.Kingsbury and C.Laoutides. London: Routledge. P. 13–28.
- Pavkovic A. and Radan P. (2013). *Creating New States: Theory and Practice of Secession*. Aldershot: Ashgate. 277 p.
- Schmitter P., Wagemann C., and Obydenkova A. (2005). Democratization and State Capacity. Report at X Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, October 18–21. Santiago, Chile.
- Tilly Ch. (2007) *Demokratiya* [Democracy]. Moscow: Evropa. 264 p.
- Tilly Ch., ed. (1975). *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press. 567 p.
- Tokarev A.A. (2017). Sravnitel'nyi analiz setsessii na postkommunisticheskom prostranstve: kvantifikatsiya faktorov vliyaniya [Comparative analysis of secessions in the post-Communist space: quantification of influencing factors]. *Polis*. No. 4. P. 106–177. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.08.
- Tokarev A.A., Prihodchenko A.Yu., Margojev A.R., and Tseleshchev A.A. (2021). Otrazheniye vneshnei politiki KNR v obrazakh nastoyashchego i budushchego v massovom soznanii kitaitsev: psikhograficheskii metod [Reflections of the PRC's external policy in the images of the Present and the Past in the mass consciousness of the Chinese: the psychographic method]. *Polis*. No. 1. P. 58–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.05.